

УДК 342.3

К ВОПРОСУ ПРАВОВОГО ЗНАЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*Екатерина Б. Абакумова*^{1, 2, 3, @}

¹ Новосибирский военный институт им. генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 630114, Россия, г. Новосибирск, Ключ-Камышенское плато, 6/2

² Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 630102, Россия, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6

³ Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

@ civilization1981@mail.ru

Поступила в редакцию 03.05.2018. Принята к печати 29.06.2018.

Ключевые слова: государственная идеология, запрет государственной идеологии, конституционализм, идеологическая роль конституции.

Аннотация: В последние годы в России появляется все больше норм, в которых упоминаются явления, прямо называемые идеологиями, принимаются специальные программы по подавлению распространения экстремистских идей как факторов, угрожающих национальной безопасности страны. В научной литературе все чаще звучат сомнения в целесообразности сохранения нормы о запрете установления государственной идеологии в Конституции Российской Федерации в конституционной материи ее Основного Закона.

Целью настоящего исследования является определение правового значения государственной идеологии в Российской Федерации на основе комплексного анализа конституционно-правовых норм, характеризующих современную государственную политику в рассматриваемой сфере. Исследование осуществлено с помощью общенаучных и специальных методов познания (системный подход, анализ и синтез, сравнение и др.). В результате проведенного исследования удалось установить, что конституционный запрет государственной идеологии может и не порождать правовых последствий, поскольку термин «идеология» является вполне обходимым понятием. Автор приходит к выводу, что норма ч. 2 ст. 13 Конституции РФ о запрете установления государственной идеологии требует комплексного толкования, а в перспективе должна быть переформулирована. Практическую значимость имеет предложенная автором измененная формулировка данной конституционной нормы.

Для цитирования: Абакумова Е. Б. К вопросу правового значения государственной идеологии в Российской Федерации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 51–57.

Идеология как социальный феномен призвана объяснять действительность и давать ей первоначальную ценностную интерпретацию, продуцировать идеалы, на базе которых формируются политические цели и средства для достижения этих целей [1, с. 14–15]. Формируя некие аксиологические постулаты, идеология претендует на закрепление или изменение существующих общественных отношений, формирование определённой модели коллективного сознания, а поэтому по своей природе имеет «публично-принудительный характер, а ее реализация, подобно общественной морали, основана на апелляции к должному» [2, с. 135]. Другими словами, основная функция идеологии – сплочение множества лиц в единую социальную группу.

В качестве одной из основ конституционного строя Российской Федерации провозглашён принцип идеологического многообразия. Гарантией идеологического многообразия выступает норма ч. 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации о запрете провозглашения той или иной идеологии в качестве государственной или обязательной¹. Между тем сама Конституция, являясь документальным выражением «общественного договора» между государством и обществом, выступает источником определенной концепции, затрагивающей фундаментальные принципы организации государственной власти, философские основы правового статуса населения страны и каждого человека в отдельности.

¹ О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Закон о поправке к Конституции Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ // Российская газета. 2014. № 6435.

Некоторые положения как отечественной, так и зарубежных конституций имеют исключительно идеологический характер. К таковым относятся не только нормы, прямо устанавливающие ту или иную идеологию в качестве государственной или обязательной (например, социализм в Конституции Китайской Народной Республики [3, с. 209]), но и объявление главных ценностей и принципов функционирования государственной власти в стране, закрепление символики государства. Присутствие в конституциях таких постулатов демонстрирует идеальные для конкретной страны модели системы общественных отношений, форм «сцепления» устоев социума и устройства государства.

Закрепляя определенные постулаты и механизмы их реализации, конституция фактически облакает некую идеологию в нормативную форму и вводит ее в качестве официальной. Точно так же как, например, конституционный запрет частной собственности в народно-демократических республиках свидетельствует о реализации социалистической идеологии в качестве официальной государственной идеологии, так и провозглашение человека с его правами и свободами высшей ценностью, равенства всех форм собственности при защите конкуренции (ст. 2, ч. 2 ст. 8, ч. 2 ст. 34 Конституции РФ) свидетельствуют о конституционном закреплении основанной на антропоцентризме и рыночной экономике либеральной идеологии [4, с. 7].

Положения, касающиеся вопросов идеологии, существуют и в конституциях (уставах) субъектов Российской Федерации. Чаще всего эти положения идентичны нормам Конституции РФ, но бывает, что они отражают специфические для региона культурологические установки. Так, например, в ст. 10 Степного Уложения (Конституции) Республики Калмыкия прослеживается влияние исторически важной для калмыцкого народа идеологии буддистской мысли: «Республика Калмыкия разделяет ответственность за существующие глобальные общечеловеческие проблемы и обязуется прилагать усилия к их разрешению в духе любви, сострадания, милосердия и прогресса, содействуя устройству мира на Земле»².

Получается, что любая конституция, независимо от наличия прямых на то указаний, заключает в своем содержании некую идеологическую концепцию. Поэтому представляется верным говорить о существовании конституционной идеологии как закреплённой в конституции системы ценностей и идей, сплачивающих множество людей в единый народ и отражающих ее отношение к социальной действительности. Или же, говоря словами И. И. Кравченко, «закон – это аспект материализации господствующей идеологии и фундаментальная категория государственного суверенитета... Он сам становится

своеобразной идеологией, призванной формировать социальное единство» [5, с. 53].

Конституционная идеология Российской Федерации содержит в себе элементы самоограничения в виде конституционного принципа идеологического многообразия (ч. 1 ст. 13 Конституции РФ). Этот принцип подразумевает признание за каждым лицом идеологической и политической свободы и неприкосновенности, а равно – конкуренции идеологических концепций и политических взглядов в обществе и государстве [6, с. 3].

Смысловое ядро принципа идеологического и политического плюрализма заключается в достижении такого состояния в обществе и государстве, когда никакая идеология не получает юридического статуса официальной государственной или обязательной идеологии, а для выражения и воплощения различных политических идей и взглядов могут создаваться партии и иные общественные объединения, и все они действуют на основе закона и равны перед законом [7, с. 503].

По утверждению ряда авторов, внедрение принципа идеологического плюрализма является специфической особенностью конституций обществ, которые стремятся преодолеть наследие тоталитаризма и авторитаризма. Так, И. В. Немкевич отмечает среди таких обществ государства, образующие постсоветское пространство, которые возвели принцип идеологического многообразия в ранг основ конституционного строя (8 из 11 государств СНГ) [8, с. 271].

Принцип идеологического многообразия необходимо рассматривать в комплексе с конституционными нормами, в которых он раскрывается. В российской Конституции данный принцип реализуется посредством, прежде всего, осуществления свободы совести и вероисповедания (ст. 28), свободы мысли и слова (ст. 29), права на объединение (ст. 30). Данные конституционные регуляторы опираются на нормы международного права: Всеобщую декларацию прав человека 1948 г., провозглашающую право каждого на свободу убеждений и на свободное их выражение без какого бы то ни было различия, в том числе в отношении характера политических и иных убеждений (ст. 2 и ст. 19)³; Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г., закрепляющую за каждым человеком право на свободу мысли, совести и религии (ст. 9)⁴; Международный пакт 1966 г. «О гражданских и политических правах», признающий право каждого беспрепятственно придерживаться своих мнений и свободно выражать их (п. 1, 2 ст. 19)⁵.

Конституционные права и свободы непосредственно связаны с фундаментальным демократическим принципом – запретом на привлечение лица к юридической ответственности за его убеждения, каковы бы они ни были. Государством гарантируется равенство прав

² Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия от 5 апреля 1994 г. (в ред. Закона Республики Калмыкия от 29.06.2012 № 358-IV-3) // Кодекс. 2018.

³ Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Российская газета. 1995. № 67.

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят 16.12.1966 Генеральной Ассамблеей ООН // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 12. С. 5–11.

⁵ Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Рим 04.11.1950 (изм. от 21.09.1970, 20.12.1971, 01.01.1990, 06.11.1990, 11.05.1994) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.

и свобод человека и гражданина независимо от религиозных и иных убеждений, принадлежности к общественным объединениям (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ). Наказуемы могут быть только действия, которые прямо запрещены законом.

Международно-правовые стандарты в области прав человека исходят из необходимости введения ограничений прав и свобод в целях обеспечения безопасности: «всякая пропаганда войны, выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию должны быть запрещены законом»⁶.

Положения ч. 5 ст. 13 Конституции РФ устанавливают ограничение конституционного права индивидов на объединение в зависимости от антиконституционности действий и целей, а равно идеологических установок сепаратизма, экстремизма, провозглашения национальной, расовой, религиозной, социальной розни. Тем самым ограничен и идеологический плюрализм, поскольку государство пресекает распространение нарушающих единство многонационального народа России и не уважающих основные права человека идеологий.

Ст. 55 Конституции РФ устанавливает, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства⁷.

Реализация этой конституционной нормы происходит в федеральном законодательстве, затрагивающем вопросы охраны правопорядка и национальной безопасности России, в том числе в Уголовном кодексе Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ, Федеральном законе от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», Федеральном законе от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности».

Развитие законодательно закрепленных положений по обеспечению национальной безопасности в части противодействия распространению экстремистских идеологий происходит в указах Президента РФ (Указ Президента РФ от 23 марта 1995 г. № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями национализма, фашизма и иных форм политического экстре-

мизма в Российской Федерации», Указ Президента РФ от 15 февраля 2006 г. №116 «О мерах по противодействию терроризму», Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», Указ Президента РФ от 05 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» и др.), постановлениях Правительства РФ (Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» и др.), а также в иных правовых документах.

Среди таких документов можно выделить Стратегию развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, в которой фактически объявлена идеологическая война всем не соответствующим конституционным принципам идеям: «экстремизма, национализма, ксенофобии, коррупции, дискриминации по социальным, религиозным, расовым, национальным признакам»⁸. Представляется, что борьба с идеологическими течениями может осуществляться лишь носителем альтернативной идеологии.

Сегодня ученые-правоведы различной отраслевой ориентации все чаще говорят о том, что невозможно отсутствие у государства какой бы то ни было идеологии [9–11]. Исследователи указывают на вредность конституционного запрета установления государственной идеологии или невозможность его реализации в силу утверждения об имманентности (внутренней присущности) идеологии государству [12; 13].

Как верно заметил В. С. Нерсесянц, сам «конституционализм как общегосударственная, надпартийная идеология ... не противоречит положению Конституции Российской Федерации ... Совершенно очевидно, что этот запрет относится ко всем партийным идеологиям, но никак не к конституционализму – уже в силу общегосударственной природы и общеобязательного характера самой Конституции» [14, с. 8].

В развитие данной мысли можно привести позицию О. Е. Кутафина, который, утверждая, что «отсутствие государственной как обязательной идеологии не означает, что органы государственной власти действуют независимо от каких-либо идеологических взглядов», объясняет принцип идеологического многообразия тем, что Конституция «прежде всего, исключает возможность существования в России государственной как обязательной идеологии» [15, с. 376]. Тем самым устанавливаются определённые пределы деятельности государства, а также прочих коллективных субъектов.

С. А. Авакьян отмечает, что государство всегда обладает официальной идеологией, выступающей как совокупность неких идеологических установок, касающихся, прежде всего, экономического строя; «форм

⁶ Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Рим 04.11.1950 (изм. от 21.09.1970, 20.12.1971, 01.01.1990, 06.11.1990, 11.05.1994) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 20. Ст. 20.

⁷ О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Закон о поправке к Конституции Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ // Российская газета. 2014. № 6435.

⁸ Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р // Российская газета. 2015. № 6693.

осуществления власти и её распределения между соответствующими органами; положения человека в обществе и государстве; политических и социальных отношений ... по поводу собственности, труда и власти; политического режима» [7, с. 503–504]. А вот когда у официальной идеологии появляется название, которое фиксируется в конституционно-правовых актах, тогда она, по его мнению, обращается в государственную обязательную идеологию.

Получается, что государственная идеология формально вроде бы запрещена, но при этом существуют некие идеологические постулаты, которых придерживается государство. Можно выявить лишь одно правовое последствие действия ч. 2 ст. 13 Конституции РФ – норма вида «некая концепция является государственной идеологией Российской Федерации» не может действовать в России в силу противоречия основам конституционного строя Российской Федерации. То есть, по меткому замечанию академика А. С. Запесоцкого, «идеология в России – нечто, что существует, но не может быть названо своим именем» [16].

Как было показано, подобные «пределы деятельности» заключаются, по сути, лишь в запрете употребления вполне обходимого понятия «идеология» в нормативно-правовых актах. Например, данный запрет не мешает наличию в Федеральном законе № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации» нормы ст. 4 о содействии воспитанию патриотизма⁹ в тех пределах, в которых патриотизм не будет называться государственной идеологией.

Само понятие «идеология» в российских конституционно-правовых и иных нормативных актах употребляется лишь в следующих основных значениях: 1) государственная идеология – норма ч. 2 ст. 3 Конституции Российской Федерации, запрещающая установление какой-либо идеологии в качестве государственной¹⁰; 2) обязательная идеология – в этой же части данной статьи содержится также запрет установления обязательной идеологии¹¹; 3) идеология политической партии – в преамбуле Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях»¹²; 4) идеологии, угрожающие национальной безопасности – экстремизма, терроризма, фашизма, национализма, сепаратизма (Указ Президента РФ от 05 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»¹³ и др.).

В научно-практическом комментарии Конституции Российской Федерации, подготовленном сотрудниками Института государства и права РАН еще в 1997 г., обращалось внимание, что закрепление в ней запрета на государственную идеологию подразумевало, в пер-

вую очередь, право общества на конкуренцию идеологий и пресечение попытки восстановить монополию какой бы то ни было одной партии, а также покончить с практикой предоставления одной (или нескольким) из них каких-либо привилегий [17]. Однако в итоге получился запрет на поддержку государством какой-либо идеологии вообще и формальное устранение государства из поля идеологических отношений и их регулирования.

На наш взгляд, проблема заключается в самой формулировке нормы ч. 2 ст. 13 Конституции РФ. Буквально получается, что никому нельзя иметь никакую идеологию, кроме отдельно взятого человека. Но если идеология признаётся в действующем конституционно-правовом законодательстве явлением, присущим таким субъектам, как политическая партия, то невозможно, чтобы идеология не была бы обязательной, хотя бы для какого-то круга субъектов, например, для членов соответствующей политической партии.

К слову, в Конституции Республики Беларусь законодатель более обстоятельно подошел при формулировании схожей нормы – в ст. 4 этой конституции указано: «Идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан». Также более удачной выглядит формулировка, использованная в ст. 15 Конституции Украины: «Никакая идеология не может признаваться государством как обязательная» [18].

Если принять во внимание этот конституционно-правовой опыт соседних государств, то можно предложить следующее изложение нормы ч. 2 ст. 13 Конституции РФ: «Никакая идеология не может признаваться государством в качестве общеобязательной для граждан». То есть следует провести разграничение между запретом на государственную идеологию и запретом на установление обязательной идеологии. Государству нужна официальная идеология, но она не должна быть безальтернативной и обязательной для всех. Распространение государственной идеологии должно осуществляться наряду с другими идеологиями в условиях открытой и свободной конкуренции. Для граждан страны должна быть сохранена конституционная гарантия на добровольный и самостоятельный выбор своих убеждений, идеалов, принципов.

Мы согласны с мнением, что сегодня мир стоит в начале переходной эпохи от капиталистического миропорядка как техногенной цивилизации к гуманистическому миропорядку как антропогенной цивилизации [19, с. 247]. В наступающей новой исторической эпохе идеология гуманизма должна стать основополагающей. Основной Закон Российской Федерации пронизан прин-

⁹ Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (в ред. Федерального Закона от 28.12.2016 № 465-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 09.04.2018).

¹⁰ О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Закон о поправке к Конституции Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ // Российская газета. 2014. № 6435.

¹¹ Там же.

¹² О политических партиях: Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (в ред. от 05.12.2017 № 505-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 09.04.2018).

¹³ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

ципами демократии и гуманизма, которые выступают не только доктринальной основой принимаемых нормативных правовых актов, но и вектором развития российской внутренней политики во многих сферах жизни.

По утверждению авторов Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в нашей стране сейчас «происходит консолидация гражданского общества вокруг общих ценностей, формирующих фундамент государственности, таких как свобода и независимость России, гуманизм, межнациональный мир и согласие, единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм»¹⁴. По сути, перечисленные ценности – это квинтэссенция российской государственной идеологии, которой формально

не существует, но при этом она имеет значение фактора национальной безопасности.

В заключение можно отметить, что норма ч. 2 ст. 13 Конституции РФ о запрете установления государственной идеологии нуждается как минимум в комплексном толковании, а как максимум должна быть изменена, поскольку существующая на сегодняшний день формулировка не только вступает в диссонанс с самой Конституцией, но и не отвечает реалиям сегодняшнего мира, где все большую поддержку получают общественно опасные радикальные идеи, с которыми государство обязано вести превентивную борьбу не только на тактическом уровне поиска и уничтожения экстремистских группировок, но и на уровне долгосрочного стратегического духовно-нравственного развития нации и воспитания будущих поколений.

¹⁴ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 09.04.2018).

Литература

1. Куньщиков С. В. Идеология в структуре политического процесса: сущность и динамика функционирования: автореф. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2006. 24 с.
2. Симонов В. А. Государственная национальная политика Российской Федерации и проблемы идеологического многообразия // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2008. № 3. С. 79–84.
3. Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 3: Дальний Восток / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М.: Норма, 2010. 1040 с.
4. Баранов П. П., Овчинников А. И. Конституционная легитимность государственной власти в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 7. С. 3–8.
5. Кравченко И. И. Власть и общество // Власть: Очерки современной политической философии Запада / отв. ред. В. В. Мшвениерадзе. М.: Наука, 1989. С. 37–65.
6. Михайличенко И. В. Идеологическое и политическое многообразие как конституционные принципы развития партийной системы в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. 248 с.
7. Авакьян С. А. Конституционное право России. М.: Норма: Инфра-М, 2010. Т. 1. 864 с.
8. Немкевич И. В. Конституционное закрепление идеологического плюрализма на постсоветском пространстве // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 1-1. С. 271–276.
9. Бернацкий Г. Г. Государству необходима государственная идеология // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2012. Т. 15. № 2. С. 4–7.
10. Куничкина Н. С. Идеологическое многообразие и запрет на государственную (обязательную) идеологию в нормах Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 14. С. 8–10.
11. Радько Т. Н. Государственная идеология и идеологическая функция права // Вестник академии права и управления. 2012. № 29. С. 9–16.
12. Неверов А. Я. Государственная идеология в Российской Федерации: конституционно-правовые основания // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2. № 4. С. 107–115.
13. Фасгиев Т. А. Современные представления об идеологической функции государства: некоторые конституционные аспекты // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 7. С. 7–11.
14. Нерсесянц В. С. Конституционализм как общегосударственная идеология // Конституционно-правовая реформа в Российской Федерации / отв. ред. Ю. С. Пивоваров. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2000. С. 3–9.
15. Кутафин О. Е. Избранные труды: в 7 т. Т. 7. Российский конституционализм. М.: Проспект, 2011. 544 с.
16. Запесоцкий А. С. Запрет идеологии в Конституции – вредное недоразумение // Парламентская газета. 17.11.2016. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/politics/2016/11/17/zapret-ideologii-v-konstitucii-vrednoe-nedorazumenie.html> (дата обращения: 17.04.2018).
17. Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий / под ред. Б. Н. Топорнина. М.: Юрист, 1997. 716 с.
18. Конституции государств Европы: в 3 т. / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М.: Норма, 2001. Т. 1, 2. 824, 840 с.
19. Малицкий В. С. Идеология в современной России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 2. С. 247–251.

THE LEGAL MEANING OF THE STATE IDEOLOGY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ekaterina B. Abakumova^{1, 2, 3, @}

¹ Novosibirsk Military Institute of the Internal Troops named after Gen. I. K. Yakovlev, 6/2, Klyuch-Kamyshevskoe Plateau, Novosibirsk, Russia, 630114

² Siberian Institute of Management, branch of The Russian Presidential Academy Of National Economy And Public Administration, 6, Nizhegorodskaya St., Novosibirsk, Russia, 630102

³ Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaev St., Novosibirsk, Russia, 630090

@ civilization1981@mail.ru

Received 03.05.2018. Accepted 29.06.2018.

Keywords: state ideology, the ban on state ideology, constitutionalism, the ideological role of the Constitution.

Abstract: New norms concerning ideologies keep emerging in Russia; special programmes have recently been adopted to suppress the spread of extremist ideas as factors threatening the country's national security. The scientific literature increasingly doubts the expediency of preserving the norm prohibiting the establishment of state ideology in the Constitution of the Russian Federation in the constitutional matter of its Basic law.

The aim of the current study is to determine the legal significance of the state ideology in the Russian Federation on the basis of a comprehensive analysis of constitutional and legal norms that characterize modern state policy in the field under consideration. The study employs general scientific and special methods of cognition (systematic approach, analysis and synthesis, comparison, etc.).

The research has revealed that the constitutional prohibition of state ideology may not produce legal consequences, since the term «ideology» is quite an elusive concept. The author concludes that Clause 2 of Article 13 of the Constitution, which prohibits the establishment of state ideology, requires a comprehensive interpretation and should be reformulated in the future. The author offers an amended formula of the constitutional norm, which adds to the practical significance of the paper.

For citation: Abakumova E. B. K voprosu pravovogo znachenii gosudarstvennoi ideologii v Rossiiskoi federatsii [The Legal Meaning of the State Ideology in the Russian Federation]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 2 (2018): 51–57.

References

1. Kun'shchikov S. V. *Ideologiya v strukture politicheskogo protsessa: sushchnost' i dinamika funktsionirovaniia*. Avtoref. diss. kand. polit. nauk [Ideology in the structure of the political process: the nature and dynamics of functioning. Cand. Polit. Sci. Diss. Abstr.]. Ekaterinburg, 2006, 24.
2. Simonov V. A. Gosudarstvennaia natsional'naia politika Rossiiskoi Federatsii i problemy ideologicheskogo mnogoobraziia [State national policy of the Russian Federation and the problem of ideological diversity]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Vestnik of Omsk University. Series: Right*, no. 3 (2008): 79–84.
3. *Konstitutsii gosudarstv Azii. T. 3: Dal'nii Vostok* [Constitution of the Asian States. Vol. 3: Far East]. Ed. Khabrieva T. Ia. Moscow: Norma, 2010, 1040.
4. Baranov P. P., Ovchinnikov A. I. Konstitutsionnaia legitimnost' gosudarstvennoi vlasti v Rossii [Constitutional legitimacy of state power in Russia]. *Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government*, no. 7 (2014): 3–8.
5. Kravchenko I. I. Vlast' i obshchestvo [Power and society]. *Vlast': Ocherki sovremennoi politicheskoi filosofii Zapada* [Power: Essays of modern political philosophy of the West]. Ed. Mshvenieradze V. V. Moscow: Nauka, 1989, 37–65.
6. Mikhailichenko I. V. *Ideologicheskoe i politicheskoe mnogoobraziie kak konstitutsionnye printsipy razvitiia partiinoi sistemy v Rossiiskoi Federatsii*. Diss. kand. iurid. nauk [Ideological and political diversity as constitutional principles of the party system development in the Russian Federation. Cand. Jurispr. Sci. Diss.]. Chelyabinsk, 2011, 248.
7. Avak'ian S. A. *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional law of Russia]. Moscow: Norma: Infra-M, vol. 1 (2010): 864.
8. Nemkevich I. V. Konstitutsionnoe zakreplenie ideologicheskogo pliuralizma na postsovetskom prostranstve [Constitutional entrenchment of ideological pluralism in the post-Soviet space]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. 1-1 (2012): 271–276.
9. Bernatsky G. G. Gosudarstvu neobkhodima gosudarstvennaia ideologiya [The State requires a state ideology]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoi iuridicheskoi akademii = Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy*, 15, no. 2 (2012): 4–7.

10. Kunichkina N. S. Ideologicheskoe mnogoobrazie i zapret na gosudarstvennuiu (obiazatel'nuiu) ideologiiu v normakh Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii [Ideological diversity and the ban on state (mandatory) ideology in the norms of the Constitution of the Russian Federation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, no. 14 (2008): 8–10.
11. Radko T. N. Gosudarstvennaia ideologija i ideologicheskaja funktsija prava [State ideology and ideological function of law]. *Vestnik akademii prava i upravlenija = Bulletin of Academy of Law and Management*, no. 29 (2012): 9–16.
12. Neverov A. Ya. Gosudarstvennaia ideologija v Rossiiskoi Federatsii: konstitutsionno-pravovye osnovaniia [State ideology in the Russian Federation: constitutional and legal grounds]. *Vestnik Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniia = Vestnik of Tyumen State University. Socio-economic and legal research*, no. 4 (2016): 107–115.
13. Fasgiev T. A. Sovremennye predstavleniia ob ideologicheskoi funktsii gosudarstva: nekotorye konstitutsionnye aspekty [Modern ideas about the ideological function of the state: some constitutional aspects]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, no. 7 (2011): 7–11.
14. Nersesians V. S. Konstitutsionalizm kak obshchegosudarstvennaia ideologija [Constitutionalism as a state ideology]. *Konstitutsionno-pravovaja reforma v Rossiiskoi Federatsii* [The Constitutional and legal reform in the Russian Federation]. Ed. Pivovarov Iu. S. Moscow: Izd-vo INION RAN, 2000, 3–9.
15. Kutafin O. E. *Izbrannye trudy. T. 7. Rossiiskii konstitutsionalizm* [Selected Works. Vol. 7. Russian Constitutionalism]. Moscow: Prospect, 2011, 544.
16. Zapesotskii A. S. Zapret ideologii v Konstitutsii – vrednoe nedorazumenie [Prohibition of ideology in the Constitution – harmful misunderstanding]. *Parlamentskaia gazeta = Parliamentary newspaper*, 17.11.2016. Available at: <https://www.pnp.ru/politics/2016/11/17/zapret-ideologii-v-konstitucii-vrednoe-nedorazumenie.html> (accessed 17.04.2018).
17. *Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii. Nauchno-prakticheskii kommentarii* [Russian Constitution. Scientific and practical commentary]. Ed. Topornin B. N. Moscow: Iurist, 1997, 716.
18. *Konstitutsii gosudarstv Evropy* [The Constitution States in Europe]. Ed. Okunkov L. A. Moscow: Norma, vol. 1, 2 (2001): 824, 840.
19. Malitskii V. S. Ideologija v sovremennoi Rossii [Ideology in modern Russia]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 1: Regionovedenie: filozofia, istoriia, sotsiologija, iurisprudentsiia, politologija, kul'turologija = The Bulletin of the Adyghe State University: Internet Scientific Journal*, no. 2 (2012): 247–251.